

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Мухамеджанова Н.М. Трансформации института семьи: от домодерна к метамодерну // Социодинамика.

2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.4.70603 EDN: IJLPBY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70603

Трансформации института семьи: от домодерна к метамодерну

Мухамеджанова Нурия Мансуровна

ORCID: 0000-0002-6847-2173

доктор культурологии

профессор, кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Проспект Победы, 18, оф. 20806

[✉ nuriyam@yandex.ru](mailto:nuriyam@yandex.ru)

[Статья из рубрики "Семья и общество"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2024.4.70603

EDN:

IJLPBY

Дата направления статьи в редакцию:

28-04-2024

Аннотация: Актуальность заявленной темы обусловлена современной социокультурной ситуацией. С одной стороны, семья является важнейшим социальным институтом, состояние которого определяет благополучие общества. С другой – современная семья переживает кризис, который находит свое выражение в снижении показателей рождаемости, сужении функций семьи, растущем числе разводов и т. д. Целью работы является исследование взаимосвязи семьи как механизма обеспечения трансляции и воспроизведения культуры с процессами, происходящими в обществе. Проблемы семьи рассмотрены в контексте модернизационных процессов в мире – в контексте перехода от традиционного общества к современному, от культуры домодерна к метамодерну. Теоретической основой работы являются труды отечественных и западных авторов, исследующих проблемы семьи в историческом контексте. Междисциплинарный характер работы определяет совмещение в ней социально-философского и культурологического подходов к проблеме динамики и возможных перспектив института семьи. В работе

исследуются причины трансформации семьи, последствия кризиса семьи для развития общества и цивилизации, а также возможные варианты будущего семьи в связи с изменениями, происходящими в культуре начала ХХI века. Автор приходит к выводу, что в фетишизация свободы личности и распространение ценностей самовыражения в культуре постмодерна вступает в противоречие с ценностями самосохранения общества как целостного, уникального образования. Однако кризисные процессы в ХХI веке подрывают то ощущение экзистенциальной безопасности, которое было присуще эпохе постмодерна и стало причиной упадка традиционных норм. В культуре метамодернизма происходит поворот к трансцендентности и духовности, который может стать поворотом к традиционным ценностям культуры, к числу которых относится и семья. И в этом, по мнению автора, состоит позитивное значение современного социокультурного кризиса.

Ключевые слова:

социальный институт, функции семьи, традиционная семья, модернизация, кризис семьи, культура модерна, культура постмодерна, цивилизация, метамодернизм, социокультурный кризис

Введение

Актуальность темы семьи обусловлена современной социокультурной ситуацией как в России, так и в мире в целом. С одной стороны, семья признается важнейшим социальным институтом, от состояния которого во многом зависит благополучие общества, и государством уделяется огромное внимание поддержке семьи, материнства и детства. С другой – ученые говорят о кризисе семьи, который находит свое выражение в снижении показателей брачности и рождаемости, сужении функций семьи, снижении ее статуса и уменьшении детности, растущем числе разводов и т. д.

Значимость семьи как социального института определяется выполняемыми ею функциями, важнейшей из которых является репродуктивная функция, функция рождения детей, их содержания и социализации. Однако в течение многих веков семья выполняла и другие неспецифические функции: накопления и передачи собственности, наследования социального статуса, организации производства и потребления, домохозяйства, отдыха и досуга, связанные с заботой о здоровье и благополучии членов семьи, с созданием микроклимата, способствующего снятию напряжения и самосохранению каждого члена и др. Кроме того, семья в течение многих веков являлась важнейшим механизмом обеспечения трансляции и воспроизведения культуры, передачи социокультурного опыта последующему поколению, который не может быть восполнен и компенсирован ничем другим. Поэтому состояние семьи является важнейшим показателем состояния общества, его жизнеспособности.

Русский философ И. А. Ильин называет семью первой «формой человеческого духовного единения» [\[1, с. 199\]](#), от которой человек может подняться к другим, более высоким формам духовного единения – родине и государству. Семья, с точки зрения мыслителя, является «первичным лоном человеческой культуры» [\[1, с. 199\]](#). И потому кризис семьи в современном мире является следствием духовного кризиса, переживаемого человечеством. Как показывает история, «великие крушения и исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи» [\[1, с. 201\]](#).

Причины трансформации семьи в современном мире

Хотя И. А. Ильин утверждает, что «семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа» [\[1, с. 201\]](#), следует все же признать, что причиной кризиса института семьи стали объективные исторические процессы, связанные с модернизацией обществ, их переходом от аграрной к индустриальной стадии развития, от традиционного общества к современному.

Рассмотрим данные процессы на примере русской традиционной семьи, демографическое поведение которой определялось, прежде всего, нормами православной этики, направленными на обеспечение сохранности семьи. Вступление в брак воспринималось как показатель состоятельности человека, его общественного авторитета и материального благополучия. Холостое состояние осуждалось, вызывало у сельчан презрительное и подозрительное отношение. Понятие «холостой» практически было равнозначно понятию «неполноценный». Целью брака, который рассматривался как священный союз, было рождение и воспитание детей, а не получение каких-либо плотских удовольствий. Дети были моральным оправданием брака, исполнением божественного предписания [\[2, с. 161-162\]](#).

В силу объективных причин для Российской империи была характерна высокая смертность населения, особенно младенческая, и, как следствие, высокая рождаемость. Здоровая замужняя женщина в течение своей жизни рожала в среднем 10-11 раз, однако далеко не все из рожденных ею детей доживали до взросления. Даже в 1897 году, в год первой переписи населения империи, всего 57 % новорожденных россиян доживало до 5 лет [\[2, с. 199\]](#). «Около трети детей умирало на первом году жизни и более половины – не дожив до 6 лет» [\[2, с. 205\]](#), а средняя продолжительность ожидаемой жизни в 1904-1913 годах составляла 32,4 года у мальчиков и 34,5 года – у девочек [\[2, с. 210\]](#).

Естественно, что при такой детской смертности высокая рождаемость была главным условием сохранения потомства: «На протяжении тысячелетий высокая смертность была одним из краеугольных камней, на которых выстраивалось все здание культурных норм, религиозных и нравственных предписаний, регулировавших поведение людей в демографической сфере. В частности, высокая смертность диктовала повсеместное конвергентное развитие тех принципов социальной жизни, которые затрагивали производство и выживание потомства и обеспечивали непрерывность поколений. При всем многообразии культурных форм и норм в этой области, все они покоились на общем основании. ... Брак должен был быть почти всеобщим и пожизненным, в женщинах видели в первую очередь продолжательницу рода, большое число детей рассматривалось как безусловное благо, всякое вмешательство в процесс прокреации осуждалось и т.д. Если бы все эти нормы не охранялись культурой и не соблюдались, в условиях высокой смертности человечество вымерло бы» [\[3, с. 64\]](#).

Русская традиционная семья была социально-хозяйственным организмом, связанным иерархическими отношениями и основанным на половозрастном разделении труда. Поэтому многодетность была условием ее материального благополучия и, в конечном счете, выживания. Кроме того, в силу отсутствия пенсионного обеспечения и социального страхования населения дети были единственной гарантией спокойной, обеспеченной старости. Брачность до начала XX века была не только ранней, но и практически всеобщей. Так, в конце XVIII – первой половине XIX века только 1 % мужчин и женщин к 60 годам не состояли в браке, что практически совпадало с долей

инвалидов и психических больных в составе населения страны. То есть безбрачие в крестьянской среде практически отсутствовало [\[2, с. 172\]](#). Развод требовал серьезных оснований и был крайне редким явлением в жизни крестьянства.

Эти особенности демографического поведения были характерны и для других, неправославных, народов Российской империи, что вполне объяснимо. В данном случае средством унификации демографических практик выступают мировые религии, способствующие «однотипному пониманию ценности человеческой жизни и необходимых условий по ее охране...» [\[3, с. 60\]](#).

Однако процесс модернизации российского общества в XX веке приводит к существенному улучшению условий жизни российской семьи: материального благосостояния, условий труда, медицинского обслуживания, санитарных условий, качества питания и др. Получает развитие пенсионное обеспечение и социальное страхование населения. Следствием данных процессов становится значительное повышение продолжительности жизни и падение смертности населения, что в конечном счете приводит и к падению рождаемости в обществе. Одновременно существенные изменения происходят и в самой семье.

Уже в XIX, а особенно в XX веке происходит редукция, сворачивание социокультурных функций семьи: экономико-производственной, религиозной, образовательной, рекреационной, воспитательной и др., которые «перекладываются» на другие социальные институты: функция образования и воспитания – на детский сад и школу; профессиональной подготовки – на высшие учебные заведения и колледжи; защиты и охраны – на полицию и армию; функция питания, досуга, обеспечения – на сферу обслуживания и т. д. Таким образом, государство берет на себя значительную часть функций семьи. В результате семья в условиях индустриального общества превращается в «элементарное рядом-жительство рождающих и рожденных (родителей и детей)» [\[1, с. 201\]](#).

Развитие индустриальной экономики, предполагающей занятость обоих родителей в системе общественного производства, превращает детей в обузу для их родителей, делает несовместимыми семью и работу: «С одной стороны, рынок труда требует мобильности без учета личных обстоятельств. Брак и семья требуют прямо противоположного. Если до конца додумать рыночную модель современности, то в основе ее предполагается бессемейное и безбрачное общество. ... Рыночный субъект в конечном счете – одинокий индивид, не «тяготенный» партнерством, браком или семьей. Соответственно, развитое рыночное общество – еще и общество бездетное, ну разве что дети растут подле мобильных одиноких – отцов и матерей» [\[4, с. 175; 5, с. 205-206\]](#).

Таким образом, модернизация общества, его переход к индустриализму разрушает сами основы традиционной семьи, а главным противоречием эпохи модерна, разрушающим семью, становится противоречие между требованиями рынка труда и требованиями семьи, партнерства. Поэтому снижение уровня рождаемости – объективный и закономерный процесс, характерный для всех развитых индустриальных обществ, в том числе для восточных, например Японии [\[6, с. 38\]](#). Как считают ученые, именно «беспрецедентно высокий уровень экзистенциальной безопасности» [\[7, с. 38\]](#), характерный для индустриального общества, стал причиной упадка традиционных норм [\[8\]](#).

Однако еще более серьезные изменения в семье происходят в эпоху постмодерна, когда происходит переход «общества от традиционных ценностей к секулярно-рациональным и от ценностей выживания к ценностям самовыражения» [\[7, с. 35\]](#), формируется новая этика, основанная «на принципе "обязанностей по отношению к самому себе"» [\[4, с. 143\]](#). Меняются сами духовные основы семьи: происходит тотальная секуляризация общества, увеличение степени свободы личности и дискредитация тех ценностей, на которых строилась традиционная семья; распространение потребительства, ценностей индивидуализма и гедонизма. «Семья дезинтегрируется и теряет свою святость. Брак легко распадается; развод привычен и повсеместен. ...Так как семья легко распадается, то она и не может быть эффективным воспитательным средством...Она не может формировать детей в такой же степени умственно и нравственно, как общество» [\[9, с. 408\]](#).

В обществе постмодерна происходит дальнейшая трансформация функций семьи, связанная с тем, что сексуальность освобождается от репродуктивной функции, от вековой связи с родством и потомством, становясь полностью автономной, «пластичной» и даже определяющей в семейной жизни [\[10; 11\]](#). Подчиняясь общей логике постмодернистской культуры, сексуальность также становится «формой самоидентификации, самовыражения и самоутверждения личности» [\[7, с. 42\]](#). Как подчеркивает Р. Рорти, основой этих духовных изменений в культуре постмодерна стали дарвинистские представления о человеке как об умном животном, которое стремится максимально адаптироваться к окружающей среде при помощи инструментов, позволяющих ему испытывать как можно меньше страданий и как можно больше удовольствий [\[12, с. 24\]](#). В эпоху постмодерна таким инструментом, используемым «умным животным», становятся и семья, которая распадается тогда, когда перестает приносить человеку удовольствие.

В условиях, когда происходит «полное поглощение культуры логикой потребления» [\[13, с. 86\]](#), главной фигурой эпохи постмодерна становится потребитель, который стремится получить максимум удовольствий «здесь и сейчас» и избегает излишней привязанности к людям, делу, месту. Такое восприятие жизни «здесь и сейчас» и порождает «пластичную сексуальность», то есть сексуальность, которая становится объектом потребления. Мир постмодерна – это мир дешевых изделий, созданных для кратковременного использования. В этом мире любая идентичность, в том числе гендерная, может быть сброшена как надоевший костюм. Жизненной стратегией фигуры постмодерна, стремящейся «жить одним днем», является стратегия ведения коротких игр: «Играть короткие игры значит избегать долговременных обязательств. Отвергать любую "фиксацию". Не привязываться к месту. Не обрекать свою жизнь на занятие только одним делом. Не присягать на постоянство и верность ничему и никому. Не контролировать будущее и ни в коем случае не закладывать его: следить за тем, чтобы последствия не выносились за рамки самой игры, а в случае чего не признавать своей ответственности. Запретить прошлому ограничивать настоящее» [\[14\]](#).

Пафос ничем не ограниченной свободы личности, пронизывающий современную культуру, приводят к тому, что любовь вытесняется эротикой; традиционные сообщества, основанные на единстве интересов и ценностей, – неустойчивыми виртуальными сообществами; добрые старые ценности – культом телесности и наслаждения. Девизом современного общества потребления становится «Живи для себя и наслаждайся жизнью!» [\[6, с. 38\]](#).

Одним из факторов распада семьи становится также женская эмансипация, в том числе движение феминизма в западных странах, которое рассматривает традиционный брак как бремя, форму эксплуатации женщин или проституции [\[6, с. 64-66\]](#). Еще большая девальвация ценностей семьи в западном обществе происходит сегодня, когда традиционная семья рассматривается как анахронизм, некий рудимент авторитарного общества, а распространение альтернативных форм брака – как показатель демократичности и толерантности общества. В западном обществе происходит очереднаяекскуальная революция, которая находит свое выражение в существовании и распространении «широкого диапазона семейных и внесемейных форм совместной жизни» [\[4, с. 179\]](#), таких как партнёрство/сожительство, гомосексуальные союзы, «открытые отношения», «гостевой брак», «пробный брак» и т. п. Растёт число женщин, которые полностью отказываются от «радостей материнства» ради индивидуального благополучия и карьеры (child free).

Таким образом, единственным надежным фундаментом и основанием брака в современном обществе остается одиночество, а главным конфликтом эпохи – противоречие между свободой личности, ее стремлением жить «собственной жизнью», с одной стороны, и тоской по «другому», поисками личного счастья в условиях истончившихся общественных связей – с другой. Все это порождает в современной культуре апробирование и болезненное экспериментирование с разными формами, ролями и стратегиями совместной жизни с непредсказуемым результатом.

Проблема будущего семьи

Чем же может закончиться экспериментирование с разными формами, ролями и стратегиями совместной жизни, присущее современной культуре? Возможность представить будущее общества и всего человечества в связи с изменениями семьи нам дает антиутопия – жанр, получивший наибольшее распространение именно в эпоху модерна, в эпоху социокультурного кризиса. Образ будущего создается в антиутопии на основе осознания тех проблем, которые угрожают самому существованию человечества, и экстраполяции актуальных тенденций развития мира в будущее. Однако образ будущего в сложных системах всегда неоднозначен, поскольку в точке бифуркации возникает многовариантное ветвление путей эволюции нелинейной системы: «Будущее открыто и не единственно, но оно не является произвольным. Существует ограниченный набор возможностей развития.... Этот спектр определяется исключительно ее собственными свойствами» [\[15, с. 293\]](#).

Один из таких вариантов будущего описан в романе-антиутопии английского писателя Кадзую Исигуро «Не отпускай меня». Здесь речь идет о том, что в каком-то отдаленном будущем главная функция семьи – функция рождения и воспитания детей – также может быть передана государственным структурам и институтам. Дети воспроизводятся посредством клонирования, воспитываются вне семьи, в учреждениях интернатного типа, и могут использоваться для решения самых разных социальных проблем, в том числе медицинских [\[16\]](#).

Более реалистичной, на наш взгляд, является картина будущего, описанная в другом романе-антиутопии – «Мечеть Парижской богоматери: 2048 год» Е. Чудиновой [\[17\]](#). В результате сокращения численности европейского населения и роста миграционных потоков, распространения политики мультикультурализма и толерантности, направленных на адаптацию мигрантов к жизни в европейских обществах, и др., Евросоюз превращается в исламское государство ваххабитского толка – Евроислам. Европейцы

выселены в гетто и вынуждены жить по законам шариата; несогласные с новой политикой создают армию Сопротивления, борющуюся за возвращение своих храмов и домов. Глобальные трансформации затронули все страны мира, вынужденные выбирать свои приоритеты развития в условиях нового мирового порядка.

Следует сказать, что такой прогноз развития событий имеет под собой достаточно веские основания. Сегодня ученые говорят о серьезной опасности активных миграционных процессов для будущего развития европейских стран. Во-первых, это опасности, связанные с утратой культурного единства страны, в котором коренное население постепенно превращается в «меньшинство», и, как следствие, с культурной трансформацией Запада, превращением его в принципиально иное цивилизационное образование с неопределенностью перспектив. Именно об этих процессах в начале XXI века писал в своей книге «Смерть Запада» известный американский государственный и общественный деятель П. Бьюкенен, утверждающий, что современная Америка превращается «в хаотическое скопление народов, не имеющих фактически ничего общего между собой – ни истории, ни фольклора, ни языка, ни культуры, ни веры, ни предков» [\[6, с. 14\]](#); превращается в страну, где «миллионы людей ощущают себя чужаками в собственной стране» [\[6, с. 16\]](#). Кроме того, негативное воздействие данного фактора усугубляется еще и тем, что большинство мигрантов прибывают в США из стран, которые не имеют устойчивой демократической традиции [\[18, с. 66\]](#). Все эти факторы способствуют дестабилизации общественного порядка в современных западных обществах [\[6, с. 192-193\]](#).

В контексте цивилизационной динамики значительное сокращение численности доминирующего этноса (менее 50 % всего населения) в единой полизначической системе может привести к смене доминирующего этноса, которое сопровождается изменением социокультурной ориентации населения [\[19, с. 134-136\]](#). А значит, показатели демографического роста являются главной причиной смены субъекта исторического процесса в пространстве цивилизации. Именно такая ситуация сложилась после II мировой войны в Косово и Метохии, где следствием диспропорции в демографической структуре края стала экспансия албанского населения, захват сербской исторической территории, культурная сегрегация и геттоизация сербского населения [\[20; 21\]](#).

Как доказывают цивилизационные исследования, восходящая динамика цивилизации связана с ростом численности населения, в то время как нисходящая динамика – с депопуляцией. На связь этих показателей указывал Л. Н. Гумилев, доказывающий, что падение рождаемости является одним из основных симптомов фазы надлома этнической системы [\[22\]](#). Об этом же пишет П. Бьюкенен: «Подобно тому как прирост населения всегда считался признаком здоровья нации и цивилизации в целом, депопуляция есть признак болезни народа и общества» [\[6, с. 24\]](#). Так как депопуляция западных стран идет параллельно с ростом населения других цивилизаций, это может кардинально изменить баланс сил на мировой арене и привести, в конечном счете, к смене лидера мирового развития: «Западный человек не исчезнет, но его присутствие на планете рано или поздно перестанут замечать...» [\[6, с. 363\]](#).

Таким образом, анализ показывает, что в современном мире фетишизация свободы личности и распространение ценностей самовыражения вступает в противоречие с ценностями выживания и самосохранения общества как целостного и уникального образования.

Рассмотрение проблем современной семьи приводит отдельных ученых к неутешительному выводу о том, что распад семьи – следствие объективных процессов, которые нельзя переломить, и государство, пытающееся изменить ситуацию в этом отношении, лишь «расписывается в собственном бессилии.... возврата к прежним семейным ценностям уже никогда не произойдёт» [\[7, с. 51\]](#). Однако, на наш взгляд, данная позиция может быть подвергнута сомнению. И опровержением данного вывода является штат Юта – один из крупнейших в США центров промышленности и в то же время регион, характеризующийся самыми высокими показателями рождаемости в стране [\[23, с. 160\]](#). Основное население штата – мормоны, для которых характерна высокая религиозность и исключительно высокая ценность семьи, что подтверждает: «Крепкая вера и большая семья идут рука об руку» [\[6, с. 320\]](#). А значит, высокая рождаемость может сохраняться даже в экономически развитых регионах и странах, если их население сохраняет приверженность традиционным ценностям культуры.

Следовательно, возможен другой, более оптимистичный, хотя и непростой, вариант развития событий, связанный с изменением системы ценностей общества. Именно ценности выступают в кризисные моменты жизни общества как структуры-аттракторы, выводящие систему в режим самодостривания. И изменение системы ценностей становится реакцией на социокультурный кризис, на то ощущение конца, неизбежности катастрофы, которое охватило человечество в XXI веке. Идея Конца Истории Ф. Факуямы, которая питала культуру постмодернизма, в современной ситуации приобрела совсем иное, апокалиптическое значение. И уже в начале 2000-х годов мыслители заявляют о смерти постмодернизма, на смену которому идет метамодернизм как один из вариантов описания актуальной культуры XXI века [\[24\]](#).

Метамодернизм стал ответной реакцией культуры на кризисные процессы в мире, поскольку постмодернистская логика оказалась неадекватной современной социокультурной ситуации, неспособной справиться с ее проблемами. Ирония, сарказм, нигилизм и холодная отстраненность, характерные для постмодернизма, никак не могут помочь человеку, оказавшемуся лицом к лицу со своими многочисленными проблемами. Используя приемы и инструменты постмодернизма (иронию, пастиш, сарказм и т. п.), метамодернизм возвращается к «старомодному» содержанию эпохи модерна – к этическим и социально-политическим вопросам, которые носят животрепещущий и безотлагательный характер: терроризму, окружающей среде, межкультурным конфликтам; к вечным метафизическим вопросам коллективной памяти, судьбы, смерти и веры, то есть он «стремится восстановить то, что постмодернизм нарушил или погубил...» [\[13, с. 234\]](#).

В этической, политической сфере, в искусстве и даже в экономике происходит поворот от «холодного» эмоционального стиля постмодернизма к эмоционально «теплому» стилю метамодерна [\[25, с. 78\]](#), так как общество как никогда прежде нуждается в надежде и вере, в человеческом участии и солидарности, сопереживании и искренности. «После террористических актов 11 сентября 2001 года ирония опять "умерла" или "закончилась", что ... стало "единственным хорошим моментом" вследствие "этого ужаса"» [\[13, с. 222\]](#). В мире, сотрясаемом кризисными процессами, человек стремится познать и понять свое «я», обрести эмоциональную почву в отношениях с другими людьми, осознать свою ответственность и аффективную сопричастность к происходящим событиям и фактам [\[13, с. 315\]](#). Именно в такие моменты социальных катаклизмов, острых эмоциональных переживаний человеку открывается способ существования, тождественный

человеческой природе, – аутентичный способ существования, когда он должен сделать единственно правильный выбор и принять за него ответственность [25, с. 79]. Это способ существования, ориентированный на высшие ценности культуры: любовь, сострадание, веру, солидарность. По мнению психологов, именно позитивные ценностные переживания являются источником психической энергии, поддерживающей дух человека в сложной жизненной ситуации [26, с. 11]. Кроме того, в условиях кризиса сама ситуация экзистенциальной опасности актуализирует в человеке инстинкт самосохранения, свойственный всему живому, и порождает групповую солидарность, сплоченность масс и поддержку, направленную на обеспечение защиты: «При общей угрозе ей кажется безопаснее, если каждый чувствует рядом другого» [27, с. 379]. А значит, ситуация кризиса может способствовать возрождению традиционных ценностей культуры.

Таким образом, кризисные процессы в современном мире подрывают то ощущение экзистенциальной безопасности, которое было присуще предшествующей эпохе и стало причиной упадка традиционных норм. А значит, поворот к трансцендентности, духовности, искренности может стать поворотом к традиционным ценностям культуры, подвергшимся тотальной дискредитации в культуре постмодернизма. К числу таких ценностей относится и семья. И в этом, на наш взгляд, может состоять позитивное значение современного социокультурного кризиса.

Библиография

1. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
2. Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX века): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т. СПб: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
3. Вишневский А. Г. Цивилизация, культура и демография // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 57-76.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
5. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
6. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: ACT; СПб: Terra Fantastica, 2003. 444 с.
7. Волков В. Н. Семья, эротика, секс и любовь в эпоху постмодерна // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 3. С. 35-57.
8. Inglehart R. F., Norris P. Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 227 p.
9. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
10. Bauman Z. On Postmodern Uses of Sex. Theory, Culture & Society: Love & eroticism. London: Sage Publications, 1999. Pp. 19-35.
11. Foucault M. The History of Sexuality. London: Penguin, 1990. Vol. 1: An Introduction. 107 p.
12. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский pragmatism Ричарда Рорти и российский контекст. М.: Традиция, 1997. С. 11-44.
13. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. М.: РИПОЛ классик, 2002. 496 с.
14. Бауман З. От паломника к туриstu // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133-154. URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/socjour/article/viewFile/218/219> (дата обращения: 10.04.2024).
15. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алатейя, 2002. 414 с.

16. Исиgуро К. Не отпускай меня. М.: Эксмо, 2020. 352 с.
17. Чудинова Е. Мечеть Парижской Богоматери: 2048 год. М.: Вече, 2016. 320 с.
18. Иноземцев В. Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия (Историко-социологический очерк) // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 64-72.
19. Сергеева О. А. Особенности современных цивилизационных процессов. М.: МАТИ - РГТУ им. К.Э. Циолковского, 2002. 267 с.
20. Дмитриев А. В., Милиоевич С. Демографическая агрессия: косовский прецедент и ситуация в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 28-48.
21. Рашевич М. Демографический фактор и косовский кризис // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 75-82.
22. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2008. 560 с.
23. Мухамеджанова Н. М. Роль демографического фактора в цивилизационной динамике // Вестник Оренбургского государственного университета. № 7. 2012. С. 107-112.
24. Turner L. Metamodernist Manifesto // Metamodern. 2011. URL: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 09.03.2024).
25. Мухамеджанова Н. М. Метамодернизм как культурная логика эпохи кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 5(451). С. 77-83.
26. Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Институт психологии РАН, 1993. 103 с.
27. Канетти Э. Масса и власть. М.: Изд-во АСТ, 2019. 576 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Социодинамика» статье под заголовком «Трансформации института семьи: от домодерна к метамодерну» является обозначенная в заголовке трансформации института семьи, рассмотренная (в объекте) в совокупности общественных представлений о функции семьи в период от домодерна к метамодерну. Таким образом, объект исследования представлен в качестве социокультурного процесса эволюции института семьи в доминирующих идеологических трендах.

С опорой на анализ специальной литературы автор определяет основные концепты института семьи в четырех эпохах (домодерн, модерн, постмодерн и метамодерн). Такая периодизация представляется достаточно аргументированной. Автор обозначил основную проблему девальвации института семьи под давлением эволюционирующих ценностных установок индивидуализации и атомизации сознания, которые входят в противоречие с базовыми установками цивилизационного развития. Депопуляция, по мысли автора, становится прямым следствием девальвации института семьи. В этом контексте вполне уместен прогноз автора о расширении роли новой идеологии (метамодерн), в которой на смену принципа индивидуализации приходят принципы общественной саморефлексии и самосохранения. Действительно, если уровень саморефлексии общественного самосознания, обеспеченный ростом ценностной неопределенности, станет доминантой пересмотра ценности семьи, то у цивилизации сохраняется шанс на выживание и развитие.

Вполне уместно автор выделяет сущностные признаки института семьи на каждом из рассмотренных этапов развития западной цивилизации. Эти сущностные признаки согласуются с домinantами ценностных систем четырех эпох. Автор прослеживает как

изменяется ценность семьи в различных системах ценностей. Существенной новизной является предложенная периодизация, которая заслуживает доверия.

Таким образом, предмет исследования рассмотрен автором на достаточно высоком теоретическом уровне и статья заслуживает публикации в журнале «Социодинамика».

Методология исследования основана на обобщении заслуживающей доверия специальной литературы, обеспеченной, в том числе, эмпирической базой для оценки социокультурных тенденций. Несмотря на то, что автор не акцентирует внимания на формализации программы исследования в вводной части статьи, она хорошо просматривается в структуре повествования и логике аргументации автора. Итоговый вывод в достаточной степени обоснован и заслуживает теоретического внимания.

Актуальность выбранной автором темы, безусловно, крайне высока.

Научная новизна, состоящая, прежде всего, в предложенной автором периодизации социокультурного процесса эволюции института семьи, заслуживает доверия.

Стиль текста автор выдержал научный. Структура статьи хорошо раскрывает логику изложения результатов научного поиска.

Библиография в достаточной степени раскрывает проблемное поле исследования, оформлена без грубых нарушений требований редакции и ГОСТа.

Апелляция к оппонентам вполне обоснована, корректна и достаточна.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала "Социодинамика" и может быть рекомендована к публикации.